

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ С АРАБСКОГО ВОСТОКА В ШВЕЦИИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ

А. В. Сарабьев

Институт востоковедения РАН,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

Поступила в редакцию 01.09.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-6
© Сарабьев А. В., 2021

Все большую роль в экономике и демографии Швеции играют арабские ближневосточные диаспоры, и прежде всего иракская и сирийская. Цель исследования — выявить особенности формирования указанных экономически активных диаспор в Швеции за последние три десятилетия. Автор полагает, что мы стали свидетелями смены парадигмы иммиграционной и деловой активности выходцев из стран арабского Востока в Швеции. В зависимости от меняющейся ситуации в странах исхода и вызванных политическими и военными потрясениями миграционных явлений происходит изменение лидерства диаспор — как в иммиграционном процессе, так и в роли общин в экономической жизни страны. Исследование опирается на работы ведущих исследовательских центров и данные ведущих международных и шведских статистических агентств. Выводом автора является обоснованное предположение, что наблюдавшийся всплеск притока сирийцев (трудовых мигрантов, беженцев и ищущих убежища) и последовавший его спад не вернули ситуацию к безусловному лидерству иракцев среди арабских общин Швеции. Высокая деловая активность сирийцев-иммигрантов, их профессиональные навыки, уровень образования, широкие деловые связи дают основание предполагать выход этой диаспоры на лидирующие позиции среди арабов-иммигрантов, а также их глубокую интеграцию в шведский социум.

Ключевые слова:

трудовая миграция, арабские иммигранты, сирийская диаспора, иракская диаспора, миграционные волны, Швеция

Введение

По мере подъема темпов экономического роста во второй половине XX века Швеция стала принимать большое количество трудовых, политических иммигрантов и беженцев. Решающее значение для развития страны имела трудовая иммиграция, которая внесла огромный вклад в превращение Швеции в «государство всеобщего благосостояния». В настоящее время к экономическому аспекту общественного развития добавился и демографический возрастной: одной из главных социальных проблем для Швеции стала нехватка трудоспособного населения в связи со старением и низкой рождаемостью [1, р. 30].

Данные Всемирного банка по Швеции наглядно демонстрируют устойчивый прирост трудовых ресурсов как раз в период «миграционного бума»: если до 1994 года

Для цитирования: Сарабьев А.В. Трудовые мигранты с арабского Востока в Швеции: изменение парадигмы // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 95–110. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-6.

наблюдалось обвальное сокращение трудовых ресурсов, а до 2000 года — относительно стабильный низкий уровень (на 2000 год — 4 млн 514,1 тыс.), то с 2004 года идет устойчивый рост показателя (до 5 млн 477,2 тыс. на 2020 год)¹. Совершенно очевидно, что это связано с притоком в страну рабочей силы из-за рубежа.

Одним из сознательно выбранных государством способов решения проблемы сокращения доли трудоспособного населения было изменение демографии посредством иммиграции. И важнейшей составляющей потока мигрантов в Швецию стали выходцы из арабских стран Ближнего Востока (в широком понимании термина — страны Леванта, Ирак и даже Египет). Среди всего населения ближневосточные иммигранты составляют в Швеции до 4%, и наибольшими по численности диаспорами остаются иракская и сирийская [2, р. 1].

Многие авторы авторитетных исследований признают, что не только собственно трудовая миграция, но и интеграция в экономику принимающей страны потенциала беженцев оказывает безусловный положительный эффект [3, р. 117]. Например, на сайте Министерства иностранных дел Швеции было опубликовано заявление, в котором говорилось, что «большое количество беженцев в Швеции не подвергло краху шведскую экономическую систему: напротив, безработица среди молодежи значительно снизилась, оставаясь на самом низком уровне за 13 лет, тогда как Швеция вообще нуждается в иммигрантах, чтобы компенсировать снижение рождаемости и восстановить человеческий потенциал» [4].

Тема арабской иммиграции в Швецию занимает ученых из многих исследовательских центров по всему миру. Выделяются разные ее аспекты, связанные как непосредственно с экономическим эффектом иммиграции, так и с проблемами социальной и экономической интеграции иммигрантов-арабов. Целый ряд исследований посвящен религиозной идентичности арабов-иммигрантов, беженцев и ищущих убежища в Швеции [5—9].

Многие европейские и восточные исследователи посвящают свои работы вопросам социальной интеграции в Швеции иммигрантов-арабов. Поднимаемые в них проблемы касаются далеко не только социальной изоляции и дискриминации, но и позитивных моментов вовлечения иммигрантов в культурную и деловую жизнь страны, кооперации арабских диаспоральных сообществ и соответствующих трудовых коллективов [10—13]. Существуют и работы более общего плана: например, теоретическое осмысление шведского варианта политики мультикультурализма давно волнует исследователей и вызывает необходимость обобщения динамики этой политики [14].

Официальные источники предоставляют определенные показатели, имеющие отношение к нашей теме. Однако приблизиться к каким-либо выводам или проследить динамику участия ближневосточных диаспор Швеции в экономике страны можно только в сопоставлении этих показателей и с учетом внеэкономических данных (сведений о мере адаптации, культурно-религиозных связях диаспор, их деловой конкуренции и т. п.). Главными источниками остаются Всемирная организация труда (ILO), Шведское статистическое бюро (SCB), авторитетные мировые статистические агентства (например, KNOMAD, Statista) и др. Но немаловажным источником являются и сообщения организаций социальной направленности, а также опросы и интервью отдельных участников этого процесса.

Наше исследование ставит своей целью проследить изменение трендов формирования экономически активных арабских ближневосточных диаспор в Швеции за последние три десятилетия — на фоне быстро меняющейся мировой повестки

¹ Labor force, total — Sweden//The World Bank. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=SE> (дата обращения: 04.09.2021).

и вызванных политическими и военными потрясениями миграционных явлений. Исследовательская гипотеза — идея о смене парадигмы иммиграционной и деловой активности выходцев из стран арабского Востока в Швеции, которая заключается как в изменении лидерства в трудовой иммиграции, так и в «заметности» общин в экономической и культурной сферах шведского социума.

Общая ситуация и релевантные показатели по Швеции

Власти Швеции делают многое для популяризации своего генерального видения использования иммигрантов как трудового ресурса и решения социально-экономических проблем страны. Тем не менее социальные изменения, вызванные притоком мигрантов, болезненно воспринимаются населением этой страны с населением 10 млн 330 тыс. человек [15]. Даже небольшие потоки иммигрантов, беженцев и прочих групп лиц, прибывающих из-за рубежа, очень ощутимы в Швеции ввиду этой сравнительно невысокой численности населения. Приводимые ниже абсолютные цифры — например по выданным разрешениям на работу, — несмотря на кажущуюся незначительность, все же релевантны для шведского общества.

С вопросом трудовой иммиграции неразрывно связаны и вопросы беженцев (и ищущих убежища), поскольку эти категории лиц, по реформированному шведскому трудовому законодательству, также могут (на определенных условиях) пополнять трудовые ресурсы страны. Во время европейского кризиса с беженцами «в 2015 году Швеция достигла исторического максимума по количеству просителей убежища: за этот год было подано почти 163 тыс. заявлений. Впоследствии правительство приняло меры по ограничению притока ищущих убежища... но, несмотря на ограничительные меры, Швеция в 2017 году согласилась на переселение 2,8 тыс. беженцев, подавших заявление о предоставлении убежища в Италии или Греции. <...> Наибольшее количество беженцев в Швеции имеют сирийское, афганское и иракское происхождение. <...> В целом около 60% претендентов были мужчинами и около 40% — женщинами. Большинство ищущих убежища — молодые люди: более половины из них были моложе 25 лет» [1, р. 30—31]. Не исключено, что большая часть из них быстро включается в трудовую деятельность в стране пребывания, не только формально пополняя трудовые ресурсы, но и фактически участвуя в деловых и производственных процессах.

Лиц, родившихся «в Азии» и имеющих статус иммигрантов в Швеции, насчитывается, по данным на 2021 год, 26 172 человека (13 411 мужчин и 12 761 женщин). При этом лиц, родившихся «в Азии», но имеющих гражданство Швеции насчитывается, по тем же данным на 2021 г., 813 086 человек (418 295 мужчин и 394 791 женщин)². Иммиграция в Швецию в 2021 году, по оценочным данным из того же источника, составит около 81 850 человек³.

Косвенным показателем экономической активности иммигрантов являются денежные переводы трудовых мигрантов из страны (как правило, на историческую родину — на поддержку родственников или участие в местном семейном бизнесе). Приведем данные KNOMAD, начиная с 1993-го и кончая 2020 годом, которые демонстрируют всплески показателя как в периоды изменения внутренней миграционной политики шведских властей, так и в периоды «турбулентности» в регионе Ближнего Востока (табл. 1).

² *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120 // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).*

³ *Ibid.*

Таблица 1

Переводы трудовых мигрантов из Швеции, 1993—2020 годы, млн долл.

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
260	231	336	429	411	503	484	539	578	508	568	660	729	930	1 056
2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020		
1 206	1 071	1 160	1 390	1 387	1 624	1 591	1 460	1 633	2 046	2 084	1 917	1 766*		

* Составило 0,3% от ВВП Швеции.

Источник: *Remittance outflows*. Global Knowledge Partnership on Migration and Development, May 2021. URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2021-05/Outward%20remittance%20flows%20May.2021.xlsx> (дата обращения: 24.06.2021).

По данным Всемирного банка на 2017 год, в Швеции насчитывалось 131 888 иммигрантов из Ирака, 98 216 — из Сирии, 26 159 — из Ливана, 3 898 — из Иордании, 6 256 — из Египта⁴.

Ученые, проводившие сравнение интеграции иммигрантов в Швеции и Бельгии (еще одной североευропейской стране с высокой долей иммигрантов-арабов), пришли к выводу, что Швеция имеет очень высокий показатель мобильности на рынке труда, особенно в сравнении с Бельгией, где он намного ниже. Эти исследователи сообщают: «Ключевыми аспектами в этом отношении является тот факт, что в Швеции мигранты могут искать работу со дня прибытия, поскольку в правилах рынка труда не делается различий между шведскими и нешведскими гражданами. <...> Доступ к общей поддержке высок в обеих странах, но именно в плане целевой поддержки вновь прибывших Швеция отличается от Бельгии. В частности, Закон о входе на рынок труда в Швеции от 2009 года (Labor Market Introduction Act) заложил основу, которая облегчила вновь прибывшим изучение шведского языка и поиск работы, соответствующей их навыкам» [1, р. 31].

Смысл реформы заключался в том, что государство уменьшило свое участие в управлении трудовой миграцией и оставило решение о том, кто может иммигрировать, отдельным работодателям, поскольку те лучше знают, какие навыки востребованы в данный момент на рынке труда. Цели новой политики не были четко сформулированы в законопроекте, но суть была в том, чтобы восполнить нехватку рабочей силы в краткосрочной перспективе, а в более долгосрочной — увеличить предложение рабочей силы для противодействия демографическим вызовам [16, р. 2].

Немаловажным фактором, притягивающим трудовую миграцию в Швецию, может служить то, что принятые условия труда в этой стране значительно легче, нежели в странах исхода. Например, трудовая неделя в Швеции за период с 2008 по 2013 год в среднем составляла 27—27 ч для женщин и 33—34 ч для мужчин [17, р. 13], а по другим данным, в 2017 году — 36 ч, в том числе 38 ч в промышленности и 34 ч в ресторанно-гостиничном секторе, тогда как в странах Ближнего Востока этот показатель был гораздо выше: в Египте — 44 ч (в том числе 48 ч в промышленности и 51 ч в ресторанно-гостиничном бизнесе), а в Турции — 46 ч (в том числе 48 и 55 ч в указанных секторах) [18, с. 23].

⁴ *Bilateral Migration Matrix — 2017*// The World Bank. 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения: 05.05.2020).

Волны иракской иммиграции

По данным доклада ученых из Института изучения миграций (Мальмё, Швеция), подготовленного для Всемирной организации труда, основной страной исхода трудовых мигрантов с арабского Востока до 2011 года оставался Ирак. С 1993 по 1997 год доля иракцев среди трудовых иммигрантов в Швеции составляла около 7%, и это было сравнимо с долей трудовых иммигрантов из остальных стран Азии вместе взятых (8,5%) [19, р. 5] (табл. 2).

Таблица 2

Трудовая иммиграция из Ирака в Швецию, 1997—2011 годы

Период	Число иммигрантов, чел.	Доля в иммиграционном потоке, %
1993—1997	11 775	6,9
1998—2002	7837	5,4
2003—2007	27 005	10,5
2008—2011	22 000	9,2

Составлено по: [19].

Показательно, что данные по остальным странам арабского Востока в цитируемом исследовании не приводились. Причиной этому была, очевидно, незначительность таких показателей: только за период 2008—2011 годов дан показатель «Остальные страны Ближнего Востока», и в списке он самый высокий — видимо, за счет притока иммигрантов-арабов после начала «арабской весны»: 65 548 человек, или 27,5% от всего иммигрантского потока [19, р. 5].

Приведенные данные позволяют усматривать тесную взаимосвязь эмиграции из Ирака в Швецию с политическими событиями в стране исхода. Сравнительно высокий показатель на протяжении нескольких лет, начиная с 1993 года, может объясняться введенными против правительства Саддама Хусейна жесткими экономическими санкциями после «войны в Заливе» 1991 года и операции коалиции во главе с США «Буря в пустыне». Вдобавок к этому Ирак был экономически ослаблен восьмилетней войной с Ираном, окончившейся в 1988 году, и оба эти фактора стали причиной резкого падения экономики Ирака, истощения как возможностей государства, так и людских ресурсов.

Всплеск эмиграции иракцев в 2003 году опять же объясним военным фактором: интервенция еще больше подорвала экономическую жизнь страны и снова внесла хаос в социальные отношения. Ощущение ненадежности положения, угроза расправы или потери источника дохода, нарушение хозяйственных связей со всей очевидностью стали причиной очередной волны иракской эмиграции. Швеция как страна с сильной иракской диаспорой стала одним из главных направлений эмиграции.

Нестабильность в Ираке на протяжении последующих лет, вспыхивающие внутренние конфликты и операции западного контингента в стране (например, силовое сворачивание проекта племенного ополчения «Ас-Сахва», действующего, по сути, как одна из сторон гражданской войны) [20, с. 109], разгул экстремистских сетей (Аль-Каида и ИГИЛ)⁵ служили причиной довольно высокого уровня эмиграции иракцев и, соответственно, иммиграции в Швецию. Последовавшее в 2011 году начало волны турбулентности во всем регионе, так называемой арабской весны, подстегнуло миграционный процесс. Все это в совокупности дало высокий показатель иммиграции иракцев в Швецию в период 2008—2011 годов. Данные за 2012—2020 годы приведены в таблице 3.

⁵ Запрещены на территории РФ.

Таблица 3

Иммиграция из Ирака в Швецию, 2012 – 2020, чел.

Пол	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Мужчины	1 673	1 326	1 469	1 897	2 328	3 640	2 337	1 637	1 002
Женщины	1 555	1 223	1 433	1 628	1 954	2 897	1 883	1 449	875

Составлено по: *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120* // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).

По другим данным⁶, в 2020 году в Швецию иммигрировали 2271 чел., называвших местом своего рождения Ирак, и этот показатель отличается от приведенных в таблице 3 — 1877 человек.

Иммигранты-иракцы испытали своего рода конкуренцию со стороны сирийских иммигрантов и беженцев, но, по мере стабилизации ситуации в Сирии, иммиграция иракцев с целью трудовой деятельности стала расти. Об этом косвенно говорят и данные по количеству временных разрешений на работу в Швеции, выданные иракцам (табл. 4).

Таблица 4

Выданные временные разрешения на работу в Швеции иммигрантам из Ирака, чел.

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
363	556	424	257	223	352	243	342	670	639	520

Составлено по: *Beviljade uppehållstillstånd översikter. Statistik 2010—2020* // Migrationsverket. 2021. URL: <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Beviljade-uppehallstillstand-oversikter.html> (дата обращения: 11.09.2021).

Что касается самозанятых, то в целом иракцы в Швеции демонстрируют более высокий показатель, нежели коренные жители, но он все же ниже, чем у представителей сирийской или ливанской диаспор.

Вновь прибывающие иммигранты-мусульмане из стран арабского Востока в некоторых случаях получали социальную поддержку в виде программ межрелигиозной интеграции. Одной из таких программ, которая включала организованное общение представителей разных религиозных и национальных сообществ в Швеции с новыми иммигрантами, в том числе в мечетях, посвящена статья исследовательницы из Винчестерского университета. Автор отмечает, что в ходе такого общения «мигранты-мусульмане в преимущественно христианском принимающем сообществе чувствовали себя желанными и получали помощь в поиске новой жизни в Швеции» [21, р. 173].

Особенность Швеции как страны назначения иммигрантов с Ближнего Востока заключается в том, что там уже многие десятилетия существует развитая диаспора ближневосточных христиан. Возможно, некорректно будет говорить о ней как об арабской диаспоре, поскольку, несмотря на то, что страны исхода — Ирак, Сирия, Ливан, арабские по своему национальному большинству, — идентичность этих христиан остается неоднозначной. Многие возводят ее к арамейскому прошлому, кто-то настаивает на ассирийском наследии, а кто-то — и вовсе на финикийском. Различные культурные и общественные организации активно развивают изучение древнего сирийского языка, сохранявшегося в некоторых Восточных Церквях лишь

⁶ *Number immigrants to Sweden 2020, by country of birth* // Statista Research Department. 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/522136/sweden-immigration-by-country-of-origin> (дата обращения: 24.08.2021).

в качестве богослужбного. Так что прибывающие в Швецию трудовые мигранты-мусульмане попадают не только в христианское окружение местного населения (пусть и сильно секуляризованного), но и в условия потенциальной деловой конкуренции со своими бывшими земляками-христианами, сравнительно хорошо интегрированными в шведское общество. Как правило, это христиане родом из северных провинций Ирака (ассирийцы) и отчасти из Северной Сирии (яковиты) [22; 23]. Важно отметить, что не столько абсолютная численность арабской христианской диаспоры в Швеции, сколько известность о ее активности на исторической родине является фактором, благоприятным для интеграции в шведский социум вновь прибывающих мигрантов и беженцев из Сирии и Ирака.

Признавая условность арабского характера христианских диаспор с Ближнего Востока в Швеции, важно иметь в виду эту особенность земляческих сообществ, где христианский элемент может восприниматься как своего рода связующее звено между диаспорой и коренными шведами. Впрочем, в идентичности этой части арабоязычной диаспоры весьма силен национально-исторический компонент: не считая себя арабами и не связывая свое далекое прошлое с арабским языком и культурой, многие диаспоры активно участвуют в продвижении этой идеи. Это, естественным образом, изолирует их от остальных арабов, от арабских деловых сетей и производственных отношений.

Сообщества носителей идей ассирийской или сирояковитской культурной и языковой идентичности в Швеции сравнительно молодые: они стали заметны лишь с начала 70-х годов XX века (первые иммигранты-ассирийцы прибыли из Ирака в 1967 году [24, р. 12]). В трудовой деятельности и деловых связях они держатся чаще всего обособленно от земляков-мусульман, активно пропагандируя свою культуру (например, через спутниковый телеканал *Suryoyo*).

Иммигранты-сирийцы как пассионарная ближневосточная диаспора Швеции

С территории «исторической Сирии» (из турецкого Тур-Абдина) так же, как и иракские христиане, в конце 1960-х годов прибыли в Швецию около 50 тысяч христиан-яковитов. Как пишет польская исследовательница Марта Возняк, этими иммигрантами занималась шведская Комиссия по рынку труда (*Arbetsmarknadsstyrelsen*, AMS), которая распределила их по городам Эскилстуна, Мэрста, Нючёппинг и Сёдертелье, обеспечив разрешениями на работу [25, р. 123–124].

Все прибывающие из Сирии в Швецию отдают себе отчет в том, что это страна с высокой долей носителей арабского языка, что существует множество примеров арабов, которые с успехом устроились на новой родине и даже стали известными людьми (например, актерами, музыкантами, спортсменами). Сирийская диаспора, наряду с иракской и ливанской, относительно сильно экономически, а деловые связи сирийско-шведских бизнесменов покрывают, как правило, несколько стран. Поэтому иммигранты или беженцы рассчитывают на получение той или иной работы в стране пребывания. Острая конкуренция на рынке труда в Швеции, а также соперничество с другими арабскими диаспорами побуждают многих к предпринимательской активности.

По словам одной из представительниц сирийской диаспоры в Швеции, возможности интеграции — «это вопрос личный, и он обращен к природе самого человека — открыт он для европейского общества или закрыт, замкнут». Она добавила, что сама лично и подобные ей встречали понимание со стороны шведов и имели возможность глубоко и легко интегрироваться в местный социум⁷.

⁷ Результаты авторского опроса иммигрантов с Ближнего Востока в разных городах Европы, август 2020 г. (на арабском языке).

Приток сирийцев в Швецию не был равномерным: миграционные волны колебались в зависимости от политико-экономических условий как на исторической родине, так и в стране назначения (табл. 5).

Таблица 5

Иммиграция из Сирии в Швецию, 2012—2020 годы, чел.

Пол	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Мужчины	3 246	7 996	14 130	14 619	26 516	7 465	4 022	2 280	1 121
Женщины	2 382	5 951	8 721	9 944	17 496	7 601	5 088	1 845	928

Составлено по: *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120* // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).

По данным агентства *Statista*, в 2020 году в Швецию иммигрировали еще больше, чем указано в таблице 5, сирийцев — 3 293 чел⁸.

Сирийские трудовые мигранты в Швеции с немалым трудом получали разрешение на работу и пребывание в стране, о чем говорят данные за полтора десятилетия — с 2000 по 2014 год включительно (табл. 6).

Таблица 6

Выданные временные разрешения на работу в Швеции иммигрантам из Сирии, чел.

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
72	61	39	39	38	32	35	36	58	199
2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
435	645	534	727	780	—	—	—	138	

Составлено по: *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120* // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).

Резкое увеличение заявок сирийцев на разрешение на работу в Швеции может быть связано с последствиями для Сирии мирового экономического кризиса 2008 года, тогда как дальнейшее почти полторакратное увеличение — с началом разрушительной войны в Сирии. В свою очередь, шведские власти облегчили эту процедуру по упоминавшемуся выше Закону о входе на рынок труда в Швеции (*Labor Market Introduction Act*) от 2009 года. Поток мигрантов и беженцев усилился, причем сирийцы, имея, как правило, родственников в Ливане, нередко эмигрировали в Европу официально — через порт Бейрута. Вероятно, положительные решения о выдаче разрешений на работу в Швеции принимались прежде всего в отношении этих «официальных» иммигрантов, а не категории ищущих убежища. Многие сирийцы с успехом встраивались в деловые отношения в стране пребывания, и закономерно, что наибольшего результата добивались те, у кого был опыт предпринимательской деятельности и некоторые начальные «активы».

⁸ *Number immigrants to Sweden 2020, by country of birth* // Statista Research Department. 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/522136/sweden-immigration-by-country-of-origin> (дата обращения: 24.08.2021).

Яркий пример успешного бизнеса сирийцев в шведском Мальмё приводит немецкое издание *Deutsche Welle*. Правда, успех рассматриваемой авторами статьи семьи сирийцев (Абу Рукба и аль-Саббаг) был во многом обусловлен опытом и деловыми связями во многих странах. Это вообще «стиль» сирийских предпринимателей — иметь основу бизнеса в стране исхода и развивать его сразу в нескольких странах. Так, бизнес упомянутых семей процветал некогда в Дамаске: семья Саббаг владела пятью фабриками по обжарке орехов, а отец Абу Рукба управлял компанией, импортировавшей в Сирию медицинское оборудование. А семья, владеющая рестораном *Jasmin al-Sham*, стоящим на главной пешеходной улице Мальмё, имела четыре фабрики по производству бумажных салфеток в сирийском городе Хомсе [26].

Deutsche Welle сообщает, что эти выходцы из Сирии привлекают к своему делу родственников и соседей по Дамаску и надеются на широкий рынок сбыта, прежде всего своих соплеменников на новой родине — «112 тысяч сирийцев, бежавших в Швецию с начала гражданской войны». На площади Мёльваанген, центре иммигрантского населения Мальмё, был открыт (с национальным колоритом — исполнением народного танца дабка и арабской музыкой) магазин по продаже приготовленных по арабскому рецепту орехов *Delicious Rosteri*. Важно отметить, что это вызвало, как сообщается, некоторое недовольство (или зависть) со стороны иммигрантов из Ирака, которые не всегда доброжелательно встречают новых арабских иммигрантов — своих потенциальных конкурентов [26].

В числе своих планов Абу Рукба называл экспорт свежееобжаренных орехов в Австрию, а также продвижение этого же бизнеса в столице Германии, а возможно, и включение в свою деятельность обжарки «арабского» кофе. По признанию бизнесмена, сирийцы, подобные ему, не хотят тратить годы на получение пособий, пока они изучают *Svenska för Invandrare* (SFI, шведский язык для иммигрантов, поэтапная языковая программа, которая является официальным первым шагом к интеграции в Швеции), а готовы тут же включаться в местные экономические отношения [26].

Другие примеры приводятся в материале европейской медиасети «Еврактив» (локализация обозначена как «десяток европейских столиц»). Прибывший из Дамаска в 2014 году 24-летний палестинец, начавший с работы кассиром, а теперь изучающий информатику при Хальмстадском университете, стоматолог из Дамаска, практикующая в шведском городке Мариестаде, стабильный заработок 38-летней матери семейства (прибывшего в 2013 году в Скогас, пригород Стокгольма), позволивший ей получить шведское гражданство, — все это примеры разных путей профессиональной реализации и экономической интеграции иммигрантов и беженцев⁹. Правда, остаются факторы, препятствующие полноценному включению сирийцев в местный социум, и это не всегда настороженное отношение к носителям чуждой культуры со стороны местного населения. Нередко причиной изолированности иммигрантов-сирийцев служит их стремление селиться поближе к местам компактного проживания земляков (например, в окрестностях Мальмё или Сёрдетелье) вместо северных областей, где шведские власти предоставляют места для проживания. Об этом сообщила, в частности, глава Сирийской ассоциации Швеции Теодора Абдо: по ее словам, интеграция сирийцев «провалилась» из-за нехватки жилья и их ограниченных социальных контактов со шведами¹⁰.

⁹ *Syrians still finding their way in Sweden, five years on* // Euractiv. 2020. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/syrians-still-finding-their-way-in-sweden-five-years-on> (дата обращения: 04.08.2021).

¹⁰ *Ibid.*

Есть проблема и с толерантностью к мигрантам. Ее называет, например, иммиграционный эксперт из Гётеборгского университета Йоаким Руист: «Аналитическая ошибка думать, что отношение шведов к иммиграции было доброжелательным до 2015 года и что оно изменилось после иммиграционной волны: эта толерантность на самом деле всегда была хрупкой — все знали, что большая часть населения не хотела беженцев в стране», поскольку в 2015 году Швеция приняла самое большое количество ищущих убежища в Евросоюзе — 163 тыс. человек, из которых около трети фиксировались как сирийцы¹¹. В конце концов в 2016 году власти были вынуждены принять временный закон (срок его действия истекает в конце 2021 года), который затруднил получение постоянного вида на жительство и воссоединение семей, вместо этого предлагая разрешение на проживание сроком на три года. В результате количество сирийцев, прибывающих в страну, резко упало — до 5,5 тыс. чел. в 2016 году и еще ниже в последующие¹².

Сократилось и число ищущих убежища в Швеции из Сирии. Если в 2016 году в страну въехало 2656 женщин и 2803 мужчины из этой категории мигрантов, то в 2019-м — 1 296 женщин и 1 353 мужчины, а в 2020-м — всего 565 женщин и 644 мужчин¹³.

Тем не менее сирийцы становятся все более заметными в шведском деловом сообществе и предпринимательской среде. В результате затяжного сирийского многостороннего конфликта страну покидают не только рядовые граждане, но и высокообразованные люди и профессионалы, не нашедшие себе применения на родине и не надеющиеся обрести там достойную работу в ближайшем будущем. Масштаб разрушения производственной инфраструктуры в Сирии ужасающий: нарушены хозяйственные связи и ощущается недостаток самого необходимого для производства — топлива и энергоносителей. Остаются проблемы в администрировании и правоприменительной практике. Опытные предприниматели, энергичная и образованная молодежь в этих сложных условиях предпочитают реализовывать свои таланты за рубежом — в частности, в сравнительно толерантной Швеции с ее исторической сирийской диаспорой. Многие из начинающих там свое дело бизнесменов уже обладают сетью деловой поддержки в разных странах, что дает им неоспоримые преимущества, например, перед иракцами в Швеции, которые в этом отношении обладают куда меньшими возможностями.

Немаловажной остается и такая категория иммигрантов, как самозанятые. Выходцы из Сирии и Ливана традиционно более активны, чем другие представители Ближнего Востока в Швеции, и доля самозанятых среди них достигает соответственно 12,5 и 11,1%. В некоторых районах эти иммигранты демонстрируют еще более высокий уровень самозанятости, доходящий до 60% [27, р. 6].

В последние несколько лет количество трудовых мигрантов из Сирии в Швецию стало снижаться, по крайней мере в сравнении с такими странами исхода, как Ирак, Египет и Ливан. Превалирующая доля трудовых мигрантов-сирийцев снизилась и почти сравнялась с долей иракцев еще в 2015 году. В дальнейшем, судя по количеству выданных разрешений на работу, показатель по Сирии стал стремительно падать, уступая иракскому в 2020 году уже в 7,5 раза (табл. 7).

¹¹ *Syrians still finding their way in Sweden, five years on* // Euractiv. 2020. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/syrians-still-finding-their-way-in-sweden-five-years-on> (дата обращения: 04.08.2021).

¹² *Ibid.*

¹³ *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120* // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).

Таблица 7

**Сопоставление показателей: выданные разрешения на работу в Швеции
по странам исхода**

Год	Ирак	Сирия	Египет	Ливан
2010	363	369	141	91
2011	556	570	306	102
2012	424	483	183	61
2013	257	657	87	42
2014	223	688	116	54
2015	352	358	166	39
2016	243	113	106	39
2017	342	128	220	57
2018	670	138	268	86
2019	639	102	274	77
2020	520	72	239	66

Источник: составлено по: *Beviljade uppehållstillstånd översikter. Statistik 2010—2020 // Migrationsverket. 2021. URL: <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Beviljade-uppehållstillstånd-oversikter.html> (дата обращения: 11.09.2021).*

Приведенные цифры, конечно, не означают снижения экономической активности сирийской диаспоры, но касаются лишь иммиграционного потока и готовности шведских властей предоставлять сирийцам право работать и жить в стране. Остается еще огромный теневой сектор экономики, а также самозанятость, где сирийцы находят применение своей предпринимательской активности.

Заключение

Итак, мигранты с арабского Востока в Швеции представлены разными национальными диаспорами, из которых наибольшими являются иракская и сирийская. Обе они развивались неравномерно, переживая волны и спады притока новых иммигрантов, что зависело от ряда обстоятельств. Одна из групп факторов заключалась в изменяющихся условиях на исторической родине, которые и порождали периодические всплески эмиграционной активности. Другая коренится в условиях шведского общества и государства: 1) в степени готовности шведов принимать носителей чуждой культуры и языка и 2) в нормах шведского трудового и миграционного законодательства. Например, как сообщают исследователи из Мальмё, после реформы законодательства и изменения политики в сфере занятости мигрантов в 2009 году существенно возросло относительное число трудовых иммигрантов из стран Ближнего Востока, в частности из Ирака (от 0,5 до 5,5%) и Сирии (от 1 до 4,5%) [16, р. 14, 16].

Волны иммиграции из Ирака вполне отражают социально-политические флуктуации (ирано-иракская война, война в Персидском заливе и операция «Буря в пустыне», суровые экономические санкции, военная оккупация Ирака и т. д.). Тем не менее представители иракской диаспоры Швеции сравнительно хорошо интегрированы в экономические отношения. Иммигранты-сирийцы вплоть до конца первого десятилетия нынешнего века уступали в количественном отношении иракцам. Но в связи с событиями «арабской весны» иммиграция из Сирии стала существенно возобладать над иракской иммиграцией. Поток беженцев из охваченной войной Сирии дал шведскому обществу значительные трудовые и людские ресурсы. Не прекратился и приток собственно трудовых мигрантов, обладающих серьезной профессиональной квалификацией, а главное — сетью деловых связей и материальной поддержки от родственников, проживающих и ведущих бизнес в других странах.

Несмотря на существенный спад иммиграции в Швецию сирийцев к настоящему времени, экономическая деятельность их диаспоры остается чрезвычайно высокой. «Пассионарный» характер их деловой активности позволяет предполагать в ближайшем будущем выход этой арабской диаспоры на лидирующие позиции в стране. Наличие сильного сообщества сирийских и иракских христиан в Швеции, пусть пока достаточно изолированного, дает возможность усматривать его как немаловажное связующее звено в сфере экономических (трудовых, торговых и др.) отношений между арабскими иммигрантами в Швеции в целом (в том числе мусульманами [28]) и принимающим обществом [29; 30].

Исследование выполнено в МГИМО МИД России по проекту Российского научного фонда № 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций».

Список литературы

1. *Puschmann P., Sundin E., De Coninck D., d'Haenens L.* Migration and integration policy in Europe: Comparing Belgium and Sweden // *Images of Immigrants and Refugees in Western Europe: Media Representations, Public Opinion and Refugees' Experiences.* Leuven University Press, 2019. P. 21 — 36.
2. *Olaya-Contreras P., Balcker-Lundgren K., Siddiqui F., Bennet L.* Perceptions, experiences and barriers to lifestyle modifications in first-generation Middle Eastern immigrants to Sweden: a qualitative study // *BMJ Open.* 2019. Vol. 9, № 10. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-028076>.
3. *Brell C., Dustmann C., Preston I.* The Labor Market Integration of Refugee Migrants in High-Income Countries // *The Journal of Economic Perspectives.* 2020. Vol. 34, № 1. P. 94 — 121.
4. *Zaed X.* Индимадж ал-ладжиин йухассин ал-ауда' ал-иктисадийя ли-аутанихим ал-джадида = Интеграция беженцев улучшает экономические условия их новой родины // *Scientific American.* 27.06.2018. URL: <https://www.scientificamerican.com/arabic/articles/news/asylum-seekers-are-not-a-burden-for-western-european-countries> (дата обращения: 04.09.2021).
5. *Fleischmann F., Phaet K.* Religion and National Identification in Europe: Comparing Muslim Youth in Belgium, England, Germany, the Netherlands, and Sweden // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 2017. Vol. 49, № 1, P. 44 — 61. <https://doi.org/10.1177/0022022117741988>.
6. *Steiner K.* Images of Muslims and Islam in Swedish Christian and secular news discourse // *Media, War & Conflict.* April 2015. Vol. 8, № 1. P. 20 — 45. <https://doi.org/10.1177/1750635214531107>.
7. *Akmir A.* European Arabs: identity, education and citizenship // *Contemporary Arab Affairs.* April-June 2015. Vol. 8, № 2. P. 147 — 162. <https://doi.org/10.1080/17550912.2015.1016762>.
8. *Lacatus C.* What is a blatte? Migration and ethnic identity in contemporary Sweden // *Journal of Arab & Muslim Media Research.* Dec 2007. Vol. 1, № 1. P. 79 — 92. https://doi.org/10.1386/jammr.1.1.79_1.
9. *Lagervall R.* Representations of religion in secular states: the Muslim communities in Sweden // *Contemporary Arab Affairs.* 2013. Vol. 6, № 4. P. 524 — 538. <https://doi.org/10.1080/17550912.2013.856081>.
10. *Bursell M.* Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden // *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2021. Vol. 47, № 5. P. 1162 — 1179. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1561250>.
11. *Bursell M.* The Multiple Burdens of Foreign-Named Men — Evidence from a Field Experiment on Gendered Ethnic Hiring Discrimination in Sweden // *European Sociological Review.* June 2014. Vol. 30, № 3. P. 399 — 409. <https://doi.org/10.1093/esr/jcu047>.
12. *Borell K., Gerdner A.* Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden // *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association.* 2013. Vol. 55, № 4. P. 557 — 571. <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0108-3>.
13. *Khosravi Sh.* White masks/Muslim names: immigrants and name-changing in Sweden // *Race & Class.* Jan 2012. Vol. 53, № 3. P. 65 — 80. <https://doi.org/10.1177/0306396811425986>.
14. *Borevi K.* The Political Dynamics of Multiculturalism in Sweden // *Challenging Multiculturalism: European Models of Diversity.* Edinburgh University Press, 2013. P. 138 — 160.

15. O'Neill A. Sweden — Statistics & Facts. Apr 1, 2021. URL: <https://www.statista.com/topics/2406/sweden> (дата обращения: 14.05.2021).

16. Irastorza N., Emilsson H. The Effects of the 2008 Labour-Migration Reform in Sweden: An Analysis of Income // GLO Discussion Paper. 2020. № 680. Global Labor Organization (GLO), Essen. P. 1—31. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/224907/1/GLO-DP-0680.pdf> (дата обращения: 24.06.2021).

17. Anxo D., Ericson Th. Labour Market Measures in Sweden 2008—13: The Crisis and Beyond. International Labour Organization, 2015. P. 1—33. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/inst/documents/publication/wcms_449934.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

18. Кузнецов А. В. Иностранцы мигранты в крупных городах Балтийского региона: истоки, тенденции, перспективы // Балтийский регион — регион сотрудничества : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 16—28.

19. Bevelander P., Irastorza N. Catching Up: The Labor Market Integration of New Immigrants in Sweden / ILO, Migration Policy Institute. 2014. P. 1—32. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_protect/-/protrav/-/migrant/documents/publication/wcms_313700.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

20. Миняжетдинов И. Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад) // Религия и общество на Востоке. 2018. Вып. 2. С. 89—112.

21. Lyck-Bowen M. Multireligious Cooperation and the Integration of Muslim Migrants in Sweden // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2020. Vol. 690, № 1. P. 168—174. <https://doi.org/10.1177/0002716220939919>.

22. Агафошин М. М., Горохов С. А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 84—99. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>.

23. Балабейкина О. А. Мартынов В. Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 113—127. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-3-6>.

24. Lundgren S. The Assyrians: Fifty Years in Sweden // The Middle East in the Contemporary World ; transl. by C. Ahlstrand. Mölndal, 2019.

25. Woźniak-Bobińska M. Modern Assyrian/Syriac Diaspora in Sweden. Lodz, 2020.

26. Orange R. Syrian refugees open for business in Sweden // Deutsche Welle, 7.02.2017. URL: <https://www.dw.com/en/syrian-refugees-open-for-business-in-sweden/a-37428707> (дата обращения: 11.07.2020).

27. Andersson L., Hammarstedt M. Ethnic Enclaves, Networks and Self-Employment among Middle Eastern Immigrants in Sweden // International Migration. 2012. Vol. 53, № 6. P. 590—604. <https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1839638>.

28. Tausch A. Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects // Jewish Political Studies Review. 2019. Vol. 30, № 1/2. P. 65—225.

29. Федоров Г. М., Волошенко Е. В., Михайлова А. А., Осмоловская Л. Г., Федоров Д. Г. Территориальные различия инновационного развития Швеции, Финляндии и Северо-Западного федерального округа РФ // Балтийский регион. 2012. Т. 3, № 13. С. 87—102 <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2012-3-6>.

30. Холявко С. И. Шведская модель пространственного планирования: функции, проблемы и решения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 7. С. 159—168.

Об авторе

Алексей Викторович Сарабьев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Россия.

E-mail: alsaraby@ivran.ru.

<https://orcid.org/0000-0002-9796-2411>

LABOUR MIGRANTS FROM THE MIDDLE EAST ARAB COUNTRIES IN SWEDEN: A PARADIGM SHIFT

A.V. Sarabiev

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
12/1, ul. Rozhdestvenka Moscow, 107031, Russia

Received 01.09.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-6

© Sarabiev, A.V., 2021

Middle East Arab diasporas, primarily the Iraqi and Syrian ones, are playing an increasing role in the economy and demography of Sweden. This study aims to describe the formation of economically active diasporas in Sweden over the past three decades. There has been a paradigm shift in the immigration and business activity of people from the Middle East Arab countries in Sweden. Diaspora leadership changes depending on the situation in the countries of origin and migration phenomena driven by political and military shocks. This change affects the migration process and the role of communities in the economic life of the country. The study draws on the work of top research centres and data from leading Swedish and international statistical agencies. The rise and subsequent decline in Syrian immigration, which included labour migrants, refugees, and asylum seekers, did not restore the unconditional leadership of the Iraqis among the Arab communities of Sweden. The significant business activity of Syrian immigrants, their professional skills, level of education, and broad business ties make the diaspora a likely leader in the Arab community. These four factors also contribute to easier migrant integration into Swedish society.

Keywords:

labour migration, Arab immigrants, Syrian diaspora, Iraqi diaspora, migration waves, Sweden

References

1. Puschmann, P., Sundin, E., De Coninck, D., d'Haenens, L. 2019, Migration and integration policy in Europe: Comparing Belgium and Sweden, *Images of Immigrants and Refugees in Western Europe: Media Representations, Public Opinion and Refugees' Experiences*, Leuven University Press, p. 21–36.
2. Olaya-Contreras, P., Balcker-Lundgren, K., Siddiqui, F., Bennet, L. 2019, Perceptions, experiences and barriers to lifestyle modifications in first-generation Middle Eastern immigrants to Sweden: a qualitative study, *BMJ Open*, vol. 9, no. 10. doi: <https://dx.doi.org/10.1136/bmjopen-2018-028076>.
3. Brell C., Dustmann C., Preston I. 2020, The Labor Market Integration of Refugee Migrants in High-Income Countries, *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 34, no. 1, p. 94–121.
4. Zayed, H. 2018, Integration of “refugees” improves the economic conditions of their new homeland, *Scientific American*, 28 June, available at: <https://www.scientificamerican.com/arabic/articles/news/asylum-seekers-are-not-a-burden-for-western-european-countries> (accessed 4 September 2021) (In Arabic).
5. Fleischmann, F., Phalet, K. 2017, Religion and National Identification in Europe: Comparing Muslim Youth in Belgium, England, Germany, the Netherlands, and Sweden, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, November, p. 1–18.
6. Steiner, K. 2015, Images of Muslims and Islam in Swedish Christian and secular news discourse, *Media, War & Conflict*, April, vol. 8, no. 1, p. 20–45.
7. Akmir, A. 2015, European Arabs: identity, education and citizenship, *Contemporary Arab Affairs*, April-June, vol. 8, no. 2, p. 147–162.

8. Lacatus, C. 2007, What is a blatte? Migration and ethnic identity in contemporary Sweden, *Journal of Arab & Muslim Media Research*, Dec., vol. 1, no. 1, p. 79–92.
9. Lagervall, R. 2013, Representations of religion in secular states: the Muslim communities in Sweden, *Contemporary Arab Affairs*, October, vol. 6, no. 4, p. 524–538.
10. Bursell, M. 2018, Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, December, p. 1–18.
11. Bursell, M. 2014, The Multiple Burdens of Foreign-Named Men — Evidence from a Field Experiment on Gendered Ethnic Hiring Discrimination in Sweden, *European Sociological Review*, June, vol. 30, no. 3, p. 399–409.
12. Borell, K., Gerdner, A. 2013, Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden, *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association*, December, vol. 55, no. 4, p. 557–571.
13. Khosravi, Sh. 2012, White masks/Muslim names: immigrants and name-changing in Sweden, *Race & Class*, January, vol. 53, no. 3, p. 65–80.
14. Borevi, K. 2013, The Political Dynamics of Multiculturalism in Sweden, *Challenging Multiculturalism: European Models of Diversity*, Edinburgh University Press, p. 138–160.
15. O'Neill, A. 2021, Sweden — Statistics & Facts. Apr 1, *Statista.com*, available at: <https://www.statista.com/topics/2406/sweden> (accessed 14 May 2021).
16. Irastorza, N., Emilsson, H. 2020, The Effects of the 2008 Labour-Migration Reform in Sweden: An Analysis of Income, *GLO Discussion Paper*, no. 680, Essen, 1–31, available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/224907/1/GLO-DP-0680.pdf> (accessed 24 June 2021).
17. Anxo, D., Ericson, Th. 2015, Labour Market Measures in Sweden 2008–13: The Crisis and Beyond, *International Labour Organization*, p. 1–33, available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/inst/documents/publication/wcms_449934.pdf (accessed 4 September 2021).
18. Kuznetsov, A.V. 2019, Foreign migrants in major cities of the Baltic region: origins, trends, prospects, *Baltic region — cooperation region 2019: Conf. proceedings* (Kaliningrad, 27–31/08/2019), 16–28 (In Russ.).
19. Bevelander, P., Irastorza, N. 2014, *Catching Up: The Labor Market Integration of New Immigrants in Sweden*, ILO, Migration Policy Institute, April, 1–32, available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_protect/-/protrav/-/migrant/documents/publication/wcms_313700.pdf (accessed 4 September 2021).
20. Minyazhetdinov, I. 2018, “Atypical” terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on the example of the situation around the terrorist attack in the city of Khan Bani Saad), *Religion and Society in the East*, vol. II, p. 89–112 (In Russ.).
21. Lyck-Bowen, M. 2020, Multireligious Cooperation and the Integration of Muslim Migrants in Sweden, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, July, vol. 690, no. 1, p. 168–174.
22. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A. 2020, Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 2, p. 84–99. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>.
23. Balabeykina, O.A. Martynov, V.L. 2017, Confessional space of modern Sweden: Christian denominations, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 3, p. 113–127. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2017-3-6>.
24. Lundgren, S. 2019, The Assyrians: Fifty Years in Sweden, *The Middle East in the Contemporary World*, Transl. by Carl Ahlstrand, Mölndal, Nineveh Press.
25. Woźniak-Bobińska, M. 2020, *Modern Assyrian/Syriac Diaspora in Sweden*, Lodz, University of Lodz.
26. Orange, R. 2017, Syrian refugees open for business in Sweden, *Deutsche Welle*, 7 February, available at: <https://www.dw.com/en/syrian-refugees-open-for-business-in-sweden/a-37428707> (accessed 11 July 2020).
27. Andersson, L., Hammarstedt, M. 2012, Ethnic Enclaves, Networks and Self-Employment among Middle Eastern Immigrants in Sweden, *International Migration*, vol. 53, no. 6, p. 590–604, doi: <https://dx.doi.org/10.1080/00343404.2020.1839638>.

28. Tausch, A. 2019, Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects, *Jewish Political Studies Review*, vol. 30, no. 1/2, p. 65—225.

29. Fedorov, G.M., Voloshenko, E.V., Mikhailova, A.A., Osmolovskaya, L.G., Fedorov, D.G. 2012, Territorial differences in the innovative development of Sweden, Finland and the Northwestern Federal District of the Russian Federation, *Balt. Reg.*, vol. 3, no. 13, p. 87—102 doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2012-3-6>.

30. Kholyavko, S.I. 2014, Swedish model of spatial planning: functions, problems and solutions, *IKBFU's Vestnik. Natural and medical sciences*, no. 7, p. 159—168 (In Russ.).

The author

Dr Aleksei V. Sarabiev, Leading Research Fellow, Centre of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alsaraby@ivran.ru.

<https://orcid.org/0000-0002-9796-2411>
